

ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ ТАВРИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

© 2005 г. А. Ю. Виноградов*, Н. Е. Гайдуков, М. С. Желтов**

* Институт всеобщей истории РАН, Москва

** Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва

Исследованиями последних двух веков в Юго-Западном Крыму было выявлено около 50 пещерных храмов. Очевидная необходимость в создании типологии крымских пещерных храмов, основанной на строгих и верифицируемых критериях, стала находить свое разрешение лишь недавно. Это, не в последнюю очередь, было вызвано тем, что не существовало единого свода крымских пещерных храмов. Такой свод был опубликован Ю.М. Могаричевым (1997), и создание этого труда (не предлагающего, впрочем, никакой типологии памятников) является важным достижением.

Однако эта типология, созданная первоначально для некультовых сооружений, не нашла реального подтверждения даже на их материале, и сам автор был вынужден впоследствии от нее молчаливо отказаться: в своих позднейших работах он практически не предпринимал попыток применить ее на деле. Почему же такой подход малоэффективен? На наш взгляд, типологизировать храмы можно на основе лишь тех признаков, которые характерны именно для храмов. Всякая другая типология, основанная на произвольных (например, общих для всех пещерных сооружений) или вторичных признаках, никогда не объяснит всей совокупности материала.

Несколько лет назад исследователь киевских пещер Т.А. Бобровский предпринял еще одну попытку типологизации пещерных храмов (2001. С. 256–278). Но предложенные им типы не составляют внутреннего единства и не создают серьезных предпосылок для создания относительной хронологии памятников. Форма храма, изменение которой столь важно для наземной архитектуры, не может послужить основой для типологии пещерных памятников, ибо храмы вырублены в скале, и сама порода зачастую прямо диктует особенности формы.

Наш подход отличается и от тех методов анализа литургических устройств, которые применялись к пещерным храмам других регионов. Так, Ф. Делль-Аквила и А. Мессина рассматривают литургические устройства пещерных церквей Апулии и Базиликаты почти только с архитектурной точки зрения (Dell'Aquila, Messina, 1998). Н.Б. Тетерятникова, наоборот, детально рассмат-

ривает различные литургические конструкции для пещерных храмов Каппадокии (Teteriatnikov, 1996); однако она воспринимает 800-летнюю историю пещерных храмов в Каппадокии как непрерывное повторение одной и той же литургической модели, зачастую игнорируя динамику литургико-архитектурных форм.

Читатель посвященных Горному Крыму трудов, вероятно, обращал внимание на большую разнородность в названиях храмов – ведь каждый, кто описывал пещерные комплексы, вводил свою нумерацию и зачастую собственные названия. Поэтому создание в будущем единой (и общеобязательной) номенклатуры пещерных храмов Юго-Западной Таврики нам представляется крайне желательным. А пока мы предпочитаем пользоваться сводом Ю.М. Могаричева, предлагающим единую номенклатуру и нумерацию для всех пещерных храмов.

Здесь существует, однако, несколько исключений, так как часть пещер, которые Могаричев определяет как церкви, таковыми, по нашим наблюдениям, не являются. Это “малые храмы” в Чилтер-Мармаре (2-, 3-, 4-й) и Шулдане (2-й); “храмы”: на Чуфут-Кале; “в оконечности мыса Тешкли-Бурун”, “на площадке со склепами” и “юго-западного монастыря” на Мангуп-Кале; 3- и 4-й в третьем гроте Качи-Кальона; 2-, 4-й в скиту св. Софии; “в основании монастырской скалы”, “в анфиладе” и “в Каламите”; “скит” у станции Инкерман-I и комплекс Загайтанской скалы в Инкермане. Так, посвященный последнему комплексу раздел у Могаричева является совершенно некритическим: храмами названы иногда просто случайные пещеры (наши натурные наблюдения приводят к выводу о существовании там всего 2 (да и то полупещерных) храмов вместо 11 (!) у Могаричева (С. 17–22)).

Почему мы не считаем эти пещеры церквями? Потому что бесспорно храмами можно считать только те сооружения, которые обладают несомненными архитектурно-литургическими признаками церковного здания: алтарной частью/апсидой, св. престолом в виде отдельно стоящего или прислоненного к стене столика (но никак не имеющей наземных аналогов “престольной

ниши” по Могаричеву), следами существования темпона, ориентацией на восток или северо-восток. Существует и ряд вторичных, вспомогательных признаков, важных для идентификации храмов, например наличие фресок и других изображений, надписей, погребений. При отсутствии всяких архитектурно-литургических признаков пещерное сооружение может быть интерпретировано совершенно по-разному, и доказать, что это именно храм (а не, скажем, загон для скота), в подавляющем большинстве случаев невозможно.

Необходимо также отметить, что не все храмы были нами типологизированы – по той или иной причине не везде сохранилось достаточное количество архитектурно-литургических деталей. Полупещерные храмы должны быть предметом особого исследования, как пограничная форма между наземной и пещерной архитектурой. Кроме того, один пещерный храм Юго-Западного Крыма не принадлежит к византийской традиции.

Пещерные храмы, не включенные в типологию: храм Успенского монастыря в Бахчисарае (полностью перестроен в Новое время); храм “на площадке” под северным обрывом Тепе-Кермена (алтарная часть сильно разрушена); Большой храм (№ 1) скита св. Софии в Инкермане (восточная часть полностью разрушена); храм Вознесения в Инкермане (разрушен, а существующее описание неудовлетворительно); храм св. Мартина Климентовского монастыря в Инкермане (согласно плану Дюбуа де Монпере, вдоль стен, в том числе восточной, идет скамья, что вряд ли возможно в церкви; нет никаких следов первоначальных литургических устройств); “Армянский” храм в Инкермане (по-видимому, генуэзская церковь, обладающая типичными признаками католического храма: нет алтарной преграды, есть широкий пристенный престол, пристроенная с юга комната-сакристия, закрывавшаяся дверцей ниша-“гробница” для хранения Св. Даров в северной стене).

Принципы типологизации. Основой типологии пещерных храмов могут и должны служить признаки, характерные исключительно для церквей – элементы их литургического устройства, выполненные в камне.

Из всех христианских служб важная – Евхаристия, она совершается во всяком храме до тех пор, пока он вообще функционирует как храм, и большинство его богослужебных устройств существуют именно ради нее. Основными из этих устройств являются: *св. трапеза*, или св. престол, т.е. стол, на котором совершается Евхаристия (в Византии – каменный (Желтов, 2000)); *синтрон* – седище епископа и священников (Mathews, 1971); *алтарная преграда*, отделяющая пространство св. трапезы и синтрона (алтарь) от остального храма и имеющая проход, *св. врата*, в центре

(возможно также наличие одной или двух *диаконовских дверей*); *амвон* – возвышение в центре храма, с которого возглашались некоторые тексты литургии (Sodini, 1993. P. 39–51; 1994. S. 303–307; Казарян и др., С. 108–110) и к которому из алтаря вела дорожка – *солея* (в современной церковной практике эти термины употребляются несколько иначе). Кроме того, в самом храме или неподалеку от него должны размещаться комнаты для хранения богослужебных книг, церковных облачений, священных сосудов, и для приготовления хлеба и вина к литургии.

С IV в. повсюду в Империи для христианского богослужения начали строиться величественные базилики, длина которых измерялась десятками метров. Важнейшими точками совершения литургии в базиликах были амвон, св. престол и синтрон. Литургия начиналась с торжественного входа в храм; далее с амвона читалось Священное Писание и предстоятель произносил проповедь (как правило, с синтрона). Затем священнослужители приступали к престолу, диаконы приносили хлеб и вино (которые в традиции константинопольских храмов готовились в отдельном от храма небольшом здании – *скевофилаконе* (Mathews, 1971), а в Сирии – в *пастофории*, особой комнате, обычно внутри храма (Descœudres, 1983)), а предстоятель поставлял их на престол (Taft, 1978). После этого он читал главную молитву литургии – анафору; и, вслед за некоторыми священнодействиями Св. Дары предлагались для Причащения (Taft, 2000), после которого следовало благодарение и совершался исход из храма.

К VI в. относятся первые сведения о появлении новой практики устройства в храме дополнительных престолов – вероятно, для совершения литургии частным образом (Mathews, 1982a. P. 125–139). К VIII в. в Константинополе приготовление хлеба и вина к литургии было уже существенно ритуализовано – с этого времени византийская литургия немыслима без особого обряда протесиса (т.е. проскомидии, в современном русском словоупотреблении; см.: Mandala, 1935). В храмах, имевших скевофилакон, протесис первоначально проходил в нем, однако очень быстро для протесиса стали выделять особую нишу в наосе, чаще всего размещавшуюся к северу от алтаря.

С VIII–IX вв. основной тип храма в византийской традиции далеко уходит от базиликального (Mathews, 1982b. P. 338–343). Очень важным процессом, начавшимся уже в VIII в. (как видно на примере храма Св. Софии в Фессалониках, который был в это время перестроен и существенно укорочен, см.: Krautheimer, 1965; Ćurčić, 2000), стало сокращение размеров, приведшее к тому, что длина храмов в поздневизантийскую эпоху, как правило, в десятки раз меньше, чем длина базилик IV–VI вв. Стали меняться и литургические

устройства. При этом, в то время как в соответствии с очередным этапом развития богослужебного чина и соответственно с изменением требований к архитектурному облику церкви, памятники наземной архитектуры могли быть существенно перестроены (например, храм из одноапсидного переделывался в трехапсидный), скальные сооружения по самой своей природе могли быть подвергнуты перестройке в значительно меньшей степени. Конечно, и пещерных храмов могли касаться некоторые изменения, но скальные архитектурные детали – богослужебные приспособления, а тем более подрубки, остались практически в первозданном виде. Их трудно “достроить”, но можно уничтожить или превратить в другие, меньшего (если это выступы) или большего (если это углубления) размера.

С послеиконоборческого времени (с IX в.) из центра храма постепенно исчезает каменный амвон (сначала замененный деревянным, а затем и вовсе упраздненный); выдающаяся в наос П-образная алтарная преграда заменяется прямой; высокий многоступенчатый синтрон уступает место простой скамье (иногда с епископским тронем в центре); пространство алтаря, ранее по необходимости выдвинутое в наос (из-за массивного синтрона), почти полностью перемещается в апсиду. Таким образом, с того времени все процессии, входившие в состав литургии, потеряли прямое практическое значение – малый размер храма сделал ненужным торжественные вход и выход; упразднение амвона упростило порядок чтения Священного Писания; приготовление Даров в северной апсиде или сразу внутри алтаря исключило возможность принесения их извне. Однако все эти элементы традиционно сохранились в евхаристическом чине и приобрели символическое значение.

В XII–XIV вв. обряд протесиса подвергся окончательному усложнению и приобрел уже современную форму с использованием многих просфор и четкой фиксацией молитвословий над каждой из них. Важным для осмысления чина протесиса изменением, укоренившимся к XIII в., стало запрещение совершать его диаконам (поначалу обряд протесиса совершали они). Итак, с XIII в. обряд протесиса уже воспринимается как особое необходимое священнодействие, символ жертвы, и поэтому он должен совершаться только священником, и поэтому же зона протесиса перемещается в алтарную часть – или непосредственно в алтарную апсиду, или в соединяющуюся с ней северную апсиду. К XIV–XV вв. чин протесиса был окончательно кодифицирован ([Красносельцев], 1889).

Поскольку одним из основных динамических факторов в эволюции архитектурного контекста евхаристической литургии является способ и место

приготовления хлеба и вина, то первым и основным классифицирующим признаком должен быть избран факт отсутствия или наличия стола протесиса в храме и, в последнем случае, его местонахождение. На основании такого критерия можно выделить два основных класса пещерных храмов – не имеющие/имеющие протесис.

Класс I. Храмы без протесиса. Отсутствие зоны протесиса позволяет предполагать, что храм создан до VIII в., когда приготовление хлеба и вина еще имело достаточно свободный характер и совершалось где-то вне основного объема храма. Следует оговориться, что, возможно, протесисы в храмах, не имеющих их следов, просто не сохранились – теоретически они могли представлять собой переносные столики. Кроме того, не от всех каменных конструкций остаются видимые следы, как это, например, имеет место с престолом в полупещерной “часовне” у западного обрыва Эски-Кермена (см. отчет экспедиции 1936–37 гг.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 268). Однако первоначальное отсутствие протесиса и соответственно ранняя датировка храмов класса I подтверждаются характерными для наземных храмов ранневизантийского времени особенностями устройства: наличием выдающейся в наос алтарной преграды или использованием триконхальной формы. Два этих архитектурных варианта позволяют выделить внутри класса I два типа. Кроме того, один храм без протесиса имеет близкие параллели с каппадокийской архитектурой и выделен нами в третий тип. Еще два храма, хотя и не имеющие следов протесиса, но не обладающие характерными для памятников класса I формами, мы рассмотрим в конце статьи.

Тип I. 1. Храмы с алтарной преградой в форме выступающего в наос П-образного прямоугольного темплона. Это древнейшая разновидность византийского темплона, известная уже с IV в. и исчезающая из наземной архитектуры с уменьшением размеров храмов и деградацией синтрона (IX–X вв.). Выступающим “архаическим” темплом (а также рядом других общих признаков – см. ниже) обладают: (1а)¹ храм “с баптистерием” на Тепе-Кермене; (2) храм “Судилище” на Эски-Кермене; (3) главный храм Челтер-Кобы. Увлечшись дискуссией о датировке Челтер-Кобинского монастыря – VIII или XIII–XIV вв., сторонники первой – В.Н. Даниленко, Ю.С. Воронин) и второй (Ю.М. Могаричев) гипотез так и не смогли внимательно проанализировать устройство храма обители. Могаричев, например видит здесь невозможную комбинацию из двухступенчатого синтрона и пристенного престола, “по-видимому, сбоку (!) от синтрона”. Между тем в полу храма

¹ Здесь и далее в статье используется сплошная нумерация памятников; после первого упоминания памятника мы указываем только его номер.

(и на плане в книге Могаричева) хорошо читаются и гнездо престола, и остатки срубленного синтрона, и следы выступающей П-образной алтарной преграды. Скамья, которую Ю. М. Могаричев отождествил с синтроном, находит себе аналогию в двухступенчатой скамье в № 2. Отметим, что через некоторое (возможно, немалое) время в алтаре № 1а был устроен протесис в виде грубо высеченной ниши в стене.

1. 2. Храмы-триконхи. В этих храмах алтарь помещается в восточной апсиде, а две другие входят в состав наоса: в них обычны скамьи для сидения или (в одном случае) широкий стол. Аналогией такому устройству должны быть не поздние (XI–XIV вв.) триконхи Балкан и Афона, а, наоборот, древние: “четырёхапсидный” мемориальный храм в Херсонесе, а также алтарные триконхи базилики Рождества Христова в Вифлееме (VI в.) и базилики Крузе в Херсонесе (Якобсон, 1959. С. 188–190). Другая параллель – храм в так называемом херсонесском склепе 1912 г. на земле Тура.

Тип 1. 2 представлен 3 храмами Эски-Кермена: (4) 1-й у подъемной дороги (“большой”); (5) 2-й у подъемной дороги (“у городских ворот”); (6) “Трех всадников” (его северная стена перетесана при написании фрески, но триконхиальная форма хорошо читается, хотя и несколько смещена по оси З–В, что обусловлено особой формой пещеры, вырубленной в сравнительно небольшом отвалившемся от скалы валуне); а также (7а) подземным храмом на главной улице в Херсонесе.

Некоторые храмы этого типа обладают рядом признаков, сближающих их с типом 1. 1. В № 5 это наос поперечной ориентации, приближающийся к прямоугольному, а в № 6, 7 – выступающий темплон. В № 7 в настоящее время видны следы расположенного в наосе протесиса, однако сильная деформация стен не позволяет вынести суждения о его оригинальности.

К числу триконхиальных храмов принадлежит также храм Вознесения в Инкермане, однако отсутствие для этого, ныне разрушенного, памятника подробного описания с указанием литургических устройств (в первую очередь св. престола и протесиса) не дает возможности включить его в один из типов, а архитектурные формы, имитирующие наземные постройки (подпружные арки, угловые столпы, плоский купол), заставляют отнести его, как и большинство инкерманских церквей, к позднему периоду (ближайшая аналогия – большой храм скита св. Софии в Инкермане).

1. 3. Храм с подковообразной апсидой. К типу 1. 3 относится только один храм: (8) св. Софии на Качи-Кальоне. Нетрадиционная для Горного Крыма полукруглая западная стена, подковообразная форма апсиды, уровень пола в которой приподнят на 0.32 м по сравнению с уровнем пола в наосе, имеет параллели в однефных храмах Каппадо-

кии – особенно близка к нашему памятнику третья церковь (Мистикан Килисе) в Гюзелёзе (Мавруджан) IX–X вв. с еще более приподнятой апсидной частью (на 0.8 м – Teteriatnikov, 1996. P. 35–40. Pl. 2). Примечательно, что эта архитектурная особенность оказала влияние на позднейшие пещерные храмы Качи-Кальона.

Памятник интересен и тем, что, возможно, для приготовления хлеба и вина к литургии служило помещение, вырубленное в соседнем валуне к западу от храма, где сохранились следы тарапана, стола и скамьи и изображение креста на стене. Определенной аналогией такому помещению служит пещера с храмом “Успения” на Эски-Кермене, где церковь сосуществует с тарапаном и другими хозяйственными устройствами.

Класс II. Храмы с протесисом. Поскольку эволюция евхаристического чина оказала влияние на положение протесиса в объеме храма, оно является основным критерием для выделения нескольких типов пещерных церквей внутри класса II. При этом расположение стола протесиса вне алтаря указывает на создание храма во время формирования этого обряда (до XIII в., т.е. VIII(?)–XII вв.), перемещение протесиса в алтарную апсиду – на время его сакрализации (XII–XIII вв.), выделение для протесиса отдельной зоны внутри алтаря – на время окончательного выделения обряда протесиса в фактически самостоятельную службу и его заключительной кодификации (с XIV в.).

II. 1. Храмы с протесисом в наосе. Протесис в этих храмах всегда помещен в северном плече восточной стены наоса. Это храмы: (9а) “Донаторов” в Черкес-Кермене (1-й период истории храма); (10) боковой при храме “Судилище” на Эски-Кермене; (11) между третьим и четвертым гротом на Качи-Кальоне; (7б) подземный в Херсонесе (в настоящем состоянии).

В № 9а протесис с течением времени был перенесен внутрь алтаря (перемещение протесиса встречается и в каппадокийских пещерных церквях: например, в храме св. Стефана в Джемиле ниша протесиса пробила первоначальную фресковую роспись алтаря IX в. – Teteriatnikov, 1996. P. 38. № 22) и устроен по образцу храмов типа II. 2, так что здесь была записана позднейшей фреской не только старая ниша протесиса, но и паз для крепления его верхней плиты (Гайдуков, 2002. С. 72, 73). Возможно также, что в № 1а протесисом могла служить на каком-то этапе ниша в западной части северной стены.

II. 2. Храмы с протесисом в алтарной апсиде. Первоначально перенесение протесиса за алтарную преграду никак не влияло на конструкцию алтаря: темплон продолжал совпадать с линией апсидной (так называемой триумфальной) арки. Протесис (в виде столика или ниши) находится у северной стены апсиды. К типу II. 2 относятся

храмы: (12) св. Евграфия в Инкермане (не сохранился; см.: Могаричев, 1997. С. 16, 17); (13) ап. Андрея (“часовня”) Климентовского монастыря в Инкермане (не сохранился; см. Могаричев, 1997. С. 96); (14) боковой храм-парэклисий (так называемый 3-й) в скиту св. Софии в Инкермане; (15) Георгиевского монастыря на мысе Фиолент; (16) “в карстовой пещере” на Мангуп-Кале; (17) главный храм Чилтер-Мармары; (9b) “Донаторов” в Черкес-Кермене (2-й период истории храма); (1b) “с баптистерием” на Тепе-Кермене (последний период истории храма); (18) храм (“часовня”) на Бакле.

II. 3. Храмы с выделенной зоной алтарного протесиса. Следующий шаг в архитектурном развитии протесиса заключается в продвигении темплона от апсиды глубже в наос, так что северо- и юго-восточные углы наоса оказываются включенными в алтарное пространство, образуя отдельные компартименты, и по их линии вне апсиды образуется новая часть алтаря, которую мы предлагаем называть зоной алтарного протесиса. В ее северном конце располагается протесис, в южном – сиденье для священника. Такая конструкция представлена в следующих пещерных храмах: (19) св. Георгия (св. Климента) Климентовского монастыря в Инкермане; (20) в Георгиевской балке (Инкерман); (21) в Сарандинакиной балке; (22) “с ризницей” на Тепе-Кермене; (23) в третьем гроте Качи-Кальона; (24) Шулданском; (25) Южного монастыря Мангуп-Кале; (26) Северного (в Табана-Дере) монастыря Мангуп-Кале; (27) “Успения” на Эски-Кермене.

В № 27 из-за небольшой ширины (1,2 м) зона алтарного протесиса по ширине совпадает с наосом. В № 26 зона алтарного протесиса находится в зачаточном состоянии: темплон уже немного отступает от апсидной арки, но еще не отсекает восточную часть основного объема наоса по всей ширине (из-за этого ниша протесиса выходит в алтарь своей узкой стороной, а в наос – широкой; та же картина наблюдается и в № 16). В № 19, наоборот, зона алтарного протесиса имеет длину более 1 м и позволяет ориентировать протесис не только на север, но и на восток (первоначальный протесис не сохранился), а также обладает собственным выходом в наос, приближаясь тем самым к типу II. 4.

II. 4. Храмы с обособленным протесисом в алтаре. Этот тип практически полностью соответствует поздневизантийской конструкции трехапсидного алтаря: протесис помещается в отдельном помещении (северной апсиде), соединенном, с одной стороны, внутренним проходом с центральной частью алтаря, а с другой – имеющим собственный выход в особый “неф” наоса. В полной мере к такому типу можно отнести только один храм: (28) “с крещальной” (храм “Атки”) в Инкермане.

Из-за обрушения южной части храма остается неясным, были ли с юга аналоги компартименту протесиса и “нефу” на севере.

Архитектурные особенности храмов в свете предложенной типологии. *Местоположение протесиса.* В классе I протесис по определению отсутствует (хотя в № 6, тип I. 2, в юго-восточном углу наоса есть ниша со столиком – возможный аналог южного пастофория наземных сирийских базилик). В храмах типа II. 1 протесис ориентирован на восток, а типов II. 2–3 – наоборот, на север; в типе II. 4, где для протесиса выделено особое помещение, – на восток. К переориентации протесиса в храмах типов II. 2–3 привел, по видимому, недостаток пространства.

Форма протесиса. В храмах типа II. 1 протесис обычно помещается внутри ниши (иногда с добавлением верхней плиты, вставляющейся в скальные пазы – № 9a), и лишь в № 11 использован скальный уступ. Ниши протесиса хорошо известны в пещерной архитектуре Каппадокии (Teteriatnikov, 1996). Сходная конструкция встречается и в типе II. 2 (№ 9b, 14 и 27), однако в № 12 и 18 (сохранились следы крепления в полу) протесис имел вид каменного пристенного столика. В памятниках же типа II. 3 протесис оформляется как столик: скальный (№ 26), пристенный (№ 19, 24 и 25) или вставленный в скальные пазы (№ 22). К нише, но уже значительно большего размера, возвращается только тип II. 4, который параллелен типу II. 1 и в ориентации протесиса на Восток.

Архитектурный контекст. Храмы типа I. 1 (за исключением № 3, располагающегося в естественном гроте) имеют не характерную ни для наземной, ни для пещерной архитектуры форму: они вытянуты по оси С–Ю, а не З–В (в Южной Италии известно до 10 храмов X–XII вв. “с широким нефом”, из которых № 1a особенно близка планировка церкви Санта-Катерина в Массифре (XII в.) с выступающей в наос алтарной преградой – Dell’Aquila, Messina, 1998. P. 40, 174). Они представляют собой как бы отсеченную восточную часть базилики, что объясняется отсутствием необходимости в постройке большого храма и сосредоточенностью литургических устройств в восточной половине церкви. Кроме того, № 1a и 2 роднит плоский потолок, № 2 и 3 – закругленная скамья, а все три – II-образный темплон и баптистерий/агиасма (редкий элемент в храмовой архитектуре Горного Крыма). Кроме того, в № 2 хорошо читается первоначальное наличие амвона в центре наоса.

Основополагающие для класса II элементы – вытянутость по оси З–В и прямой темплон. Одни архитектурные детали (например, скамьи по стенам) не распределяются по типам с какой-либо закономерностью. Другие, наоборот, легко соотносятся с определенными типами: карниз (№ 14, 24 и 28)

характерен для поздних типов II. 3–4, полуцилиндрический свод встречается в типах II. 2–4 (№ 18–20, 24). Кроме того, в № 21 и 24 появляется типичный признак поздневизантийского храма – притвор-лито. В двух инкерманских храмах типа II. 2 (№ 12 и 13) темплон имеет форму скальной стенки с дверью (св. вратами) и окнами по сторонам от нее.

Особый вопрос – эволюция синтрона и горнего места, а также их альтернативы – индивидуального сиденья с правой стороны алтаря, которое почти всегда заменяет синтрон в храмах меньшего объема. В древнейшем типе I. 1 двухступенчатый синтрон – в № 2 (в двух других церквях он опущен из-за отсутствия апсиды). Отсутствие его в памятниках типа I. 2 (маленькие мемориальные храмы) объясняется, в том числе, и нехваткой места. Тип II. 1 не имеет синтрона в 3 из 4 случаев (лишь в № 9а есть примыкающий к пристенному престолу редуцированный синтрон, нефункциональность которого доказывается наличием в алтаре другого сиденья). В типе II. 2 небольшие храмы с пристенным престолом не знают синтрона – лишь отдельное алтарное сиденье. То же относится и к маленьким храмам типа II. 3: № 22 и 26. Возрождение двухступенчатого синтрона характерно для пяти больших храмов поздних типов II. 3–4: № 19, 20, 24, 25 (здесь синтрон одноступенчатый из-за меньшего размера храма), 28. Вероятно, в XIV–XV вв. синтрон снова сделался популярен и стал сооружаться в крупных пещерных храмах по образцу наземных базилик Горного Крыма (Мангупской и Эски-Керменской) или того же № 2; кроме того, возможность сооружения синтрона прямо связана с расположением св. престола.

Устройство св. престола. Во всех храмах класса I престол имеет форму отдельно стоящего столика, причем во всех церквях типа I. 2 он помещается на очень небольшом расстоянии от восточной стены апсиды. В двух храмах типа II. 1 престол пристенный, а в двух других со стеной, вероятно, соприкасалась его крышка. Храмы типа II. 2 знают только пристенные престолы. Наоборот, в типах II. 3–4 мы встречаем лишь отдельно стоящие престолы, часто с синтроном за ним. Логика такого местоположения можно реконструировать следующим образом: первоначально отдельно стоящий престол имитировал формы наземной архитектуры. В небольших апсидах храмов-триконхов он придвинут ближе к стене; это относится и к небольшим храмам типа II. 1. Когда протесис перешел в алтарь, престол пристраивают к стене, чтобы создать внутри алтаря свободное пространство. Наконец, с появлением зоны алтарного протесиса тот отодвигается в расширенную северо-западную часть алтаря, а св. престол обретает свое прежнее место по центру алтаря. В такой ситуации становится возможным создание синтрона, который из храмов II класса есть только в храмах типов II. 3–4.

Еще одна важная особенность устройства св. престолов, которая может служить типологизирующим признаком, – наличие или отсутствие в престоле особого углубления для помещения туда ковчежца со св. мощами. Византийский чин освящения храма претерпел некоторое развитие в ходе истории (Ruggieri, 1988. P. 79–118; Желтов, 2005), и одно из проявлений этого развития – изменение характера использования св. мощей в чине: если в доиконоборческую эпоху св. мощи полагались где-то в храме, в том числе (но не обязательно) и под престол, то в послеиконоборческую эпоху помещение их под престол или даже внутрь него стало нормой. Соответственно уменьшился и размер ковчежца с мощами – в послеиконоборческую эпоху для освящения обычно используют совсем небольшие коробочки или запаянные ампулы с мощами. Этот признак работает на материале крымских пещерных храмов, где углубления для св. мощей встречены только в храмах II класса, которые мы как раз относим к послеиконоборческому времени (отметим интересный локальный вариант: в эски-керменских церквях углубление под ампулу со св. мощами находится не в горизонтальной плоскости, а в правой боковой стенке престола). Впрочем, углубление под св. мощи, как и протесис, могло вырубаться уже после появления храма – например, при новом освящении церкви (а небольшие размеры углубления не представляют сложности для такой переделки).

Декоративный контекст. Рельефные изображения на скальных поверхностях в храмах Горного Крыма чрезвычайно редки (например, крест в конхе апсиды № 19), но украшение фресками известно почти для десятка памятников. Однако в отношении храмов класса I возникают сомнения в современности росписи и архитектуры: если в № 2 живопись до нас не дошла, то в № 6 она заведомо более поздняя (Волконская, 2003. С. 284–311). То же самое касается и соотношения фресок с первоначальной архитектурой в № 9а: живопись здесь нанесена на поверхность стен паза первоначального протесиса (Гайдуков, 2002). Таким образом, получается, что оригинальная роспись характерна только для памятников типов II 2–4 (ровно для половины из них).

Опираясь на анализ положения и формы протесиса, архитектуры и декорации, попробуем типологизировать еще два вышеупомянутых памятника, в которых нет следов протесиса: (29) в храме на поляне Кильсе-Тубю у подножья Мангупа единственное место для протесиса – окно в северной стене апсиды; это, а также наличие росписи, позволяет отнести храм к типу II. 2. В “Гарнизонном” храме (30) на Мангуп-Кале на роль протесиса вряд ли может претендовать ниша почти по центру северной стены, и аналогий для такого положения нет. Совпадение алтарной преграды

с апсидной аркой исключает принадлежность церкви к типам II. 3–4, а отсутствие ниши в северном плече восточной стены – к типу II. 1. Учитывая то, что здесь отсутствуют следы не только протесиса, но и престола, можно с осторожностью отнести № 30 к типу II. 2.

Хронология типов. Источники для точной датировки пещерных храмов Горного Крыма довольно скудны и сводятся в основном к следующему: археологические материалы, росписи и надписи. При этом в храмах не обнаружено практически никакого археологического материала, способного точно датировать тот или иной памятник (такой материал вряд ли может существовать, ибо его накопление происходит на дальнейших и, в основном, позднейших этапах существования храма). Пожалуй, лишь № 4 и 5 пытались соотнести с находками из близлежащих погребений, да и то разброс датировок колеблется от конца VIII до XI в. (Могаричев, 1994; ср. с нашим определением этих памятников класса I как архаичных). В оценках возраста фресок также встречаются расхождения, однако хронологический разброс здесь небольшой: росписи по большей части датируют XIII–началом XV в. (ср. с нашим тезисом о живописи, как о характеристике самых поздних типов II. 2–4). Попытки датировать надписи в храмах палеографически представляются в настоящий момент мало реальными. Однако именно эпиграфические памятники дают нам, как минимум, 3 твердых хронологических репера: № 26, 1224–1225 гг. (к такому чтению нас склоняет аутопсия и копия Воронина (Могаричев, 1992. С. 313), вопреки Бертье-Делагарду, который почему-то читал “1221”); № 12, 1272 г.; № 28, 1421 г. Кроме того, роспись № 6 датируется надписью 1192–1292 гг.

Распределим эпиграфические и стилистические даты по типам: I. 2 – VIII–XI в.; II. 2–4 – XIII–XV вв.; II. 2 – 1272 г.; II. 3 – 1224–5 г.; II. 4 – 1421 г. Эти, пусть и немногочисленные, даты показывают, что внешние указания подтверждают внутреннюю логику нашей типологии и хронологическую соотнесенность типов как между собой, так и с тенденциями в наземной архитектуре. Две даты XIII в. хорошо показывают, что процесс развития типов был постепенным: храмы без зоны алтарного протесиса продолжали строиться, как минимум, еще полвека после появления церквей с зоной алтарного протесиса – при этом нельзя не учитывать и возможную локальную специфику в богослужебной практике.

В результате нашей типологизации можно охарактеризовать динамику архитектурно-литургического развития пещерных церквей Горного Крыма следующим образом. На первом этапе (храмы класса I) пещерные церкви строились отчасти по образцу наземных (например, триконхи).

Вероятно, образцом при этом служили храмы Херсонеса, такие как базилика Крузе или мемориальный “четыреапсидный” храм (учтем также большую близость декорации темплов из Херсонеса и № 1а). Протесис (точнее, помещение для приготовления св. Даров) в таких храмах если и существовал, то располагался вне храма. Памятники класса I (с выступающим темплом или триконхи) могли строить от VI (№ 1а) до IX–X вв. (№ 4–6), когда использование протесиса имело еще достаточно свободный характер. Поздний этап развития этого типа совпадает с появлением типа II. 1, чья архитектурная форма уже не архаична и близка к поздним типам. Протесис здесь оформляется в виде ниши или столика в северном плече восточной стены, как это имело место, например, в пещерных храмах Каппадокии (Teteriatnikov, 1996). Очень быстро (что объясняет небольшую распространенность типа II. 1), по крайней мере, уже к началу XIII в., протесис переходит, как и повсюду в Византии, в алтарную часть. Дальнейшее подчеркивание значения протесиса порождает необходимость увеличить занимаемую столиком протесиса площадь – возникает зона алтарного протесиса: два углубления перед темплом и восточной стеной в северной (сам протесис) и в южной (сиденье) стенах алтаря. При этом оба варианта размещения протесиса (типы II. 2 и II. 3) какое-то время сосуществуют (по меньшей мере – в XIII в.). В дальнейшем в связи с окончательным формированием и обособлением протесиса он создает себе отдельный компартимент, свою собственную, с алтарем лишь сообщающуюся, апсиду с собственной дверью в наос (тип II. 4); отсюда уже недалеко до современного “трехдверного” алтаря, имеющего деление на собственно алтарь, протесис и диаконник. Такой тип пещерного храма появляется в XV в., перед самым концом независимой греческой государственности в Горном Крыму.

Географическое распределение типов. Попробуем, наконец, наложить нашу хронологическую схему на археологическую карту Юго-Западного Крыма. Здесь выделяются четыре больших района концентрации пещерных памятников: “Качинский” (Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Марьям-Дере, Чуфут-Кале), “Мангупско-Эски-Керменский” (Мангуп, Челтер-Коба, Чилтер-Мармара, Шулдан, Эски-Кермен, Черкес-Кермен), “Инкерманский” (Инкерман, Георгиевская и Троицкие балки) и “Херсонесско-Гераклейский” (Херсонес, Сарандинакина балка, мыс Виноградный, мыс Фиолент). Особняком стоит самое северное городище – Бакла. Представим в таблице распределение классов и типов пещерных храмов по районам.

На какие выводы наводит это сопоставление? Наибольшее количество храмов всех типов расположено в “Мангупско-Эски-Керменском” районе, однако, начиная с типа II.2, его догоняет “Инкерман-

Распределение количества храмов по типам и районам

Тип	Датировка, вв.	“Качинский”	“Мангупско-Эски-Керменский”	“Инкерманский”	“Херсонесско-Гераклейский”
I.1	VI–X	1	2	–	–
I.2	VI–X	–	3	–	1
I.3	VIII–X	1	–	–	–
II.1	IX–XII	1	2	–	–
II.2	XII–XIII	–	3	3	1
II.3	XIII–XV	2	4	2	1
II.4	XIV–XV	–	–	1	–

ский”, где ранние памятники вообще неизвестны. В “Херсонесском” районе имеется древний триконх в Херсонесе и два поздних храма на Гераклейском полуострове. Для “Качинского” района выделяются три этапа: ранний, связанный с ранневизантийским строительством на Тепе-Кермене, средневизантийский на Качи-Кальоне и поздний, где пещерные храмы типологически полностью совпадают с другими районами.

Такие всплески строительной активности еще лучше видны на примере отдельных городищ с большим числом пещерных церквей. На Эски-Кермене большинство храмов либо вообще не имеют протесиса, либо имеют протесис в наосе, т.е. являются ранними; лишь два памятника здесь относятся к следующему типу (II. 2), а типы II. 3–4 вовсе не представлены (оговорим, что тип II. 3 встречается на Эски-Кермене в одном неизданном полупещерном храме, на западном обрыве). Такая картина хорошо отражает историю городища с ее двумя периодами расцвета: VI–VIII вв. и XIII в. Наоборот, на Мангупе все храмы (кроме одного, типа II. 2) относятся к позднейшим типам II. 3–4, совпадающим по времени с существованием княжества Феодоро. Почти то же самое мы видим и в Инкермане: пещерные храмы начинают здесь строиться в это же время и появляются вплоть до XV в., что легко сопоставить с преобладанием поздневизантийского материала в инкерманской крепости Каламита.

Созданная на основе одного лишь устройства, протесиса, типология пещерных храмов Юго-Западного Крыма, существовавших в значительном временном промежутке, с VI по XIV в., как оказалось, применима и для многих других архитектурных элементов. Подтвердить правильность наших выводов и всей предпринятой нами попытки литургической типологизации, или опровергнуть нашу систему – дело будущего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобровский Т.А. Заметки о культовой скальной архитектуре юго-западного Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.
- Волконская И.Г. Росписи пещерных храмов Эски-Кермена и его округи (Юго-Западный Крым) // Макариевские чтения. Вып. 10. М.; Можайск, 2003.
- Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики // Сурож, Сугдейя, Солдаия в истории и культуре Руси–Украины. Матер. науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Желтов М.С. Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М., 2000.
- Желтов М.С. Святые реликвии в чинопоследованиях византийского Евхология // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира: Материалы. М., 2005.
- Казарян А.Ю., Желтов М.С., Клюканова О.В. Амвон // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001.
- [Красносельцев Н.Ф.] Материалы для истории чинопоследования литургии св. Иоанна Златоустого. [Ч. 1]. Казань, 1889.
- Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь, 1992.
- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви в районе подъёмной дороги Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.
- Čurčić S. Some Observations and Questions Regarding Early Christian Architecture in Thessaloniki. Θεσσαλονίκη, 2000.
- Dell'Aquila F., Messina A. Le chiese rupestri di Puglia e Basilicata. Bari, 1998.

- Descoedres G.* Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten: Eine Untersuchung zu Architektur und liturgiegeschichtlichen Problemen. Wiesbaden, 1983.
- Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965.
- Mandala M.* La protesi della liturgia nel rito bizantino-greco. Grottaferrata, 1935.
- Mathews Th.F.* Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park (Pa). L., 1971.
- Mathews Th.F.* "Private" Liturgy in Byzantine Architecture: Toward a Re-appraisal // Cahiers Archéologiques. V. 30. P., 1982a.
- Mathews Th.F.* Early Christian and Byzantine Architecture: Middle Byzantine Church Architecture // Dictionary of the Middle Ages. V. 1. N.Y., 1982b.
- Ruggieri V.* Consacrazione e dedicazione di chiesa, secondo il Barberianus graecus 336 // Orientalia Christiana Periodica. V. 54. R., 1988.
- Sodini J.-P.* L'ambon dans l'Eglise primitive // La Maison-Dieu. V. 193. P., 1993.
- Sodini J.-P.* Les ambons medievux a Byzance: vestiges et problemes // Μενάκης Μ. Θυμίαμα στη μνημη της Λασκαρίνας Μπούρα. Αθήνα, 1994.
- Taft R.F.* The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Seria: Orientalia Christiana Analecta. V. 200. Rome, 1978.
- Taft R.F.* The Precommunion Rites. Seria: Orientalia Christiana Analecta. V. 261. Rome, 2000.
- Teteriatnikov N.B.* The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. R., 1996.

Cave churches of Taurica: The problems of typology and chronology

A. Yu. Vinogradov, N. E. Gaidukov, M. S. Zheltov

Summary

Cave churches of the South-Western Crimea attracted scholar's attention for a long time, still, no attempts have been made to suggest a systematic classification of the monuments. The authors criticise the ideas of Yu.A. Mogarichev and T.A. Bobrovsky and suggest the new typology based on the development of the churches structure taken in its liturgical aspect, and the way it influenced the architecture. These problems have been sufficiently studied on the materials of ground churches. According to presence or absence of prothesis two classes of churches have been singled out, the classes are subdivided into separate types forming a chronological sequence, certain types being coeval. The early churches of the 6th–the 9th cc. had not got prothesis, they imitated ground churches in their basic characteristics (imitating the eastern part of basilica, or triconch). The cave churches attributed to middle and late Byzantine periods (the 10th–the 15th cc.) differ from the earlier ones in location of prothesis: first it was constructed not in naos, but inside the apse, then in a special zone between the templon and the altar arch. The suggested chronology of the discussed churches is confirmed by archaeological and epigraphic evidences and fresco paintings. The suggested typology is evidenced by clear correlation of the revealed types with certain architectural details, for instance, various shapes of prothesis and synthronon. New typology is of importance for investigation of the history of the medieval Crimea and her separate regions, it also can be used while studying ecclesiastical architecture in general.